

Юрий Люкшин

О лексикографических единицах в двуязычном учебном словаре

Studia Rossica Posnaniensia 26, 113-118

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ В ДВУЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

UNITS OF A DIDACTIC BILINGUAL DICTIONARY

ЮРИЙ ЛЮКШИН

ABSTRACT. A didactic bilingual dictionary may be a success provided that it is constructed as a result of some operations performed on socially standardized speech by means of stable speech units. Its basic unit is defined as *verbum propositum*, i.e. a verbal sign of functional value stated on the basis of a restricted number of lingual contexts.

Jurij Lukszyn, Uniwersytet Warszawski, Instytut Filologii Słowiańskiej, ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska – Poland.

Основной задачей двуязычного учебного словаря является направленное и эффективное воздействие на лингводидактический процесс, который в интересующем нас аспекте проецируется на последовательность, состоящую из трех компонентов: иностранного языка как предмета изучения (Я), учебного словаря (С) и учащегося (У), схематически: Я – С – У. Операция, на основе которой язык изучения представляется как учебный словарь, возможна, между прочим, по той причине, что язык вообще не поддается однозначному определению. Неизбежной, следовательно, оказывается его практическая формализация, предписывающая заместить ускользающее понятие языка вообще реальным материалом языковой деятельности человека. В этом контексте первый знак предложенной выше схемы, обозначающий язык изучения как таковой, должен быть переписан как знак множества более или менее стабильных функциональных единиц, реализующих стандартные модели системы. Так понимаемый язык изучения представляет собой кодифицированную адаптацию исторически сложившегося естественного языка (КАЯ), предназначенную для межэтнической коммуникации в рамках евро-

пейского культурного стандарта. С учетом этой поправки схема примет следующий вид: Я — КАЯ — С — У.

Подчиненная исключительно коммуникативной функции КАЯ обладает собственными характеристиками синтаксического, семантического, концептуального, стилистического и телеологического свойства.

Синтаксический строй КАЯ полностью определяется коллоквиальной пригодностью составляющих ее структур, т.е. их ситуативной адекватностью и ритмомелодической целостностью. Общее количество реальных фраз, представляющих КАЯ в двуязычном учебном словаре, ограничивается несколькими десятками тысяч, в то время как количество их ситуативных и ритмомелодических типов сводится к нескольким десяткам.

В семантическом аспекте КАЯ может быть охарактеризована как одноуровневая конструкция, поскольку единицы ее лексикона не содержат скрытых или добавочных значений, а следовательно, не поддаются глубокой семантической интерпретации. Вообще говоря, единицы лексикографического описания подлежат идентификации на основе ряда параметров. С ориентацией на учебный словарь это, во-первых, тип лексического значения (элементарная/неэлементарная семантическая структура слова); во-вторых, тип сочетаемости слова в тексте (ближняя/дальняя сочетаемость); в-третьих, стилистический статус слова (наличие/отсутствие стилистических ограничений).

Слово определяется как семантически элементарное, если его значение фиксируется исключительно на уровне предметно-понятийной связи, без учета его ассоциативных и символических значений. В противном случае имеем дело с семантически неэлементарным словом. Элементарные значения реализуются при ближней сочетаемости слов, неэлементарные — при дальней сочетаемости. Ближняя сочетаемость слова всегда однозначно направлена и находится в состоянии постоянной функциональной готовности. Дальняя сочетаемость обладает противоположными свойствами, в связи с чем оказывается в принципе искомой величиной. С типом лексической сочетаемости связан стилистический статус слова. Ближняя сочетаемость по своей сути является парастилистической, в то время как дальняя сочетаемость по преимуществу стилистически значима.

С помощью названных параметров можно зафиксировать тип слова в качестве лексикографической единицы. В учебном словаре, построенном на основе КАЯ, слово характеризуется элементарной семантической структурой, ближней сочетаемостью с другими словами в синтагматическом ряду и статусом парастилистической еди-

ницы. Так понимаемое слово функционирует в ограниченном числе лингвистических контекстов, что, в свою очередь, определяет тип лексикографической техники. В лексиконе КАЯ оно регистрируется именно как текстуально стабильная единица, как вербальный знак с ходовым семантическим номиналом, *verbum protritum*, по выражению римского грамматика Авла Геллия. В учебном словаре слово фиксируется в качестве *verbum protritum* в рамках стабильных функциональных единиц речи.

Слову как единице лексикона КАЯ противопоставит стилистически активное слово с неэлементарной семантической структурой, которая проявляется при реализации дальней сочетаемости, не имеющей по своей природе жестких ограничений, – *verbum profundum*, неисчерпаемый семантический потенциал которого конструируется ассоциативными рядами разного свойства. *Verbum profundum* в идеале представляет собой исходную единицу одноязычного академического словаря-тезауруса, хотя, разумеется, некоторые лексикографические приемы его обработки успешно могут быть использованы в учебных словарях, адресованных специалистам (например, в учебных словарях для переводчиков).

Объем концептуального поля КАЯ, представленного в двуязычном учебном словаре, контролируется предметной, поведенческой и интеллектуальной сферами человеческого бытия, „профильтрованными” через типичные коммуникативные ситуации. Именно на этом этапе решается вопрос об объеме словаря и его адресате. В этом контексте со всей определенностью следует подчеркнуть тот факт, что конструирование двуязычного учебного словаря до известной степени предполагает также конструирование действительности. Во избежание нежелательных проявлений чрезмерной этнологизации словарного материала, его культурологической односторонности, идеологической и национальной навязчивости необходимо решительно обратиться в сторону европейского культурного стандарта. Утверждение это, разумеется, не означает запрета на изучение того или иного этноса во всех возможных измерениях. Оно лишь предостерегает перед профанацией сложнейшей проблематики в учебном словаре, задача которого – эффективно содействовать выработке у учащегося навыков адекватного коммуникативной ситуации речевого поведения (межэтнической коммуникации в рамках европейского культурного стандарта).

С телеологической точки зрения КАЯ фиксируется в словаре в качестве коммуникативного устройства, способного не только адекватно функционировать в каждой ситуации, но также совершенствующегося в процессе функционирования благодаря, с одной стороны, практически неограниченной возможности лексических под-

становок в стандартных синтаксических конструкциях, а с другой стороны, благодаря введению в речевой обиход учащегося все новых фразовых комбинаций. Попутно отметим, что понятие *учащийся* в контексте нашего рассуждения дефинируется как лицо, речевое поведение которого определяется его принадлежностью к типовому коммуникативному сообществу.

Как лексические подстановки, так и фразовая комбинаторика, взятые в отвлечении от речедействующего субъекта, действительно, не имеют видимых ограничений, однако в проекции на человека как члена коммуникативного сообщества проблема эта выглядит иначе. Именно с ориентацией на человека оказывается возможной исследовательская постановка ряда существенных в плане двуязычного учебного словаря вопросов. В самом деле, когда человек производит речевое действие? Почему он его производит? С какой целью? О чем он говорит? Подобных вопросов возникает достаточно много, и все они, при ближайшем рассмотрении, оказываются связанными с решением фундаментальных в области учебной лексикографии задач.

В рамках настоящего рассуждения на первый план выдвигаются два вопроса, а именно: Каковы причины речевого действия человека как члена коммуникативного сообщества и о чем нормально говорит человек как представитель такого сообщества? Правомерность этих вопросов особенно очевидна на фоне таких лексикографических единиц, как *verbum protritum* и стабильная единица речи, взятая в коллоквиально пригодной форме. Имя в виду двуязычный учебный словарь, адаптирующий иностранный язык для целей межкультурной коммуникации, проблему причинного обоснования речевой деятельности человека следует рассматривать в тесной связи с проблемой стабильных единиц речи (СЕР). По существу, это звено внутренне целостного явления, которое можно представить в виде следующей последовательности: коммуникативное сообщество — речедействующий субъект — причина речевого акта — СЕР. Отвлекаясь от частных случаев, можно сказать, что существуют две причины социального свойства, побуждающие человека к речевой деятельности. Первая причина — это желание или необходимость побудить участника (участников) коммуникативного акта к выполнению определенного, в том числе и интеллектуального, действия. Вторая причина — это желание привлечь к себе внимание в определенном моменте развертывания коммуникативного акта. При отсутствии этих причин человек как член данного коммуникативного сообщества молчит. Но как только появляется одна из них, его коммуникативная деятельность нормально реализуется в СЕР. С позиции лексикографической техники их список сводится к шести

единицам: 1) поручение (от вежливой просьбы до категорического приказа); 2) вопрос (характер вопроса определяется в конечном счете понятийной соотнесенностью заглавного слова); 3) диалогическое единство (две-три реплики, соотнесенные с типовой для заглавного слова речевой ситуацией); 4) коллоквиализм (бытовое суждение, представленное в форме стереотипной фразы); 5) риторическая единица (фраза, сигнализирующая тот или иной фрагмент европейского культурного стандарта); 6) „крылатое слово” (афоризмы, пословицы, идиоматические обороты).

В первых трех единицах реализуется внешняя (экстравертивная) направленность коммуникативного акта, когда речедействующий субъект намерен определенным образом воздействовать на собеседника. В остальных единицах находит отражение внутренняя (интровертивная) направленность речевого действия, когда речедействующий субъект намерен так или иначе продемонстрировать свой „языковой образ”. Как экстравертивная, так и интровертивная направленность речевого акта не дает члену коммуникативного сообщества большого выбора в смысле СЕР, хотя каждая из них может быть реализована в разных конструктивных вариантах в зависимости от характера заглавного слова и в соответствии с принципом коллоквиальной пригодности. Принцип этот, будучи ведущим при лексикографической адаптации иностранного языка, определяет содержание конкретных приемов систематизации языкового материала.

Одним из важнейших предписаний, в соответствии с которым производится такая систематизация, является требование грамматической адекватности зафиксированного в учебном словаре материала грамматической системе изучаемого языка. Названные выше СЕР расцениваются в этом плане как своеобразные рамки для регистрации грамматических фактов языка и его функциональных парадигм. Так, при установлении репертуара поручений на первый план выдвигаются языковые формы, связанные с категорией долженствования. При построении вопросительных фраз по необходимости должны быть учтены не только все их модальные типы, но также способы организации некоторых сложных синтаксических структур. Диалогическое единство позволяет ввести устойчивые ряды междометий и релятивов, эллиптических и свернутых высказываний и, конечно же, разные типы опативных предложений. Что же касается коллоквиализмов и риторических единиц, то они выступают как носители синтаксической нормы изучаемого языка в плане структурных характеристик и сложных предложений.

С известной долей условности можно сказать, что каждая стабильная единица речи в двуязычном учебном словаре заключает

вполне определенное грамматическое содержание, имеет свою ситуативную грамматику. Таким образом, грамматический строй изучаемого языка отражается в словаре в ограниченном ряду ситуативных грамматик, иначе говоря, грамматика изучаемого языка фиксируется в учебном словаре в форме устойчивых функциональных парадигм.

Представленные в настоящем реферате понятия элементарного слова (*verbum protritum*) и стабильной единицы речи являются определяющими по отношению к двуязычному учебному словарю, в связи с чем исходная схема, включающая такие компоненты, как изучаемый язык, кодифицированная адаптация изучаемого языка, учебный словарь, учащийся, может быть расширена за счет понятий стабильной единицы речи и элементарного слова, ср.: Я — КАЯ — СЕР, ЭС — С — У.

Понятие о специфичности слова, взятого в качестве лексикографической единицы, позволяет разработать соответствующую модель двуязычного учебного словаря. Его коммуникативная достаточность контролируется на уровне кодифицированной адаптации изучаемого языка, репертуар формальных средств устанавливается при помощи ситуативных грамматик, семантическое пространство словаря структурируется с помощью элементарных слов, а его функциональная эффективность целиком зависит от зафиксированных в пределах СЕР ближних лексемных связей. На этом фоне собственно лексикографическая техника ориентируется на оценку реальных проявлений СЕР по принципу их коллоквиальной пригодности.